

© Т. Н. Журавская, Н. П. Рыжова

**ПРИЗЫВАЯ ГОСУДАРСТВО:
НЕЛЕГАЛЬНАЯ ЗОЛОТОДОБЫЧА
НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Ключевые слова: дискурс о государстве, неформальные практики, нелегальная золотодобыча, черные копатели, золотая лихорадка, российский Дальний Восток

Статья посвящена дискурсивному оформлению практик “нелегальной” золотодобычи в одном из российских дальневосточных поселений. В работе предпринята попытка деконструкции государства как самодостаточного института или автономного актора, имеющего право регулировать, управлять, применять насилие в отношении проживающего на определенной территории населения. Показано, что банкротство основного предприятия в исследуемой локальности и ощущение не-присутствия государства в повседневной жизни в условиях доступности природных ресурсов не привели к ее выпадению из-под контроля. Это проявляется в категоризации неформальных практик, где присутствует отсылка к “нормальному” порядку: золотодобыча должна осуществляться в рамках жесткого контроля в противовес “золотой лихорадке”. Дискурсивное оформление практик позволяет увидеть, как действует воображаемое сильное государство “поверх” границ локального места, в чем проявляется и культурная специфика изучаемого конструкта. Статья основана на результатах серии полевых исследований в регионах российского Дальнего Востока, проведенных в период с 2010 по 2017 г.

Советский период в истории Дальнего Востока России характеризовался массовыми переселениями, нередко насильственными (см., напр.: *Чернолуцкая* 2011). При этом многие населенные пункты создавались с нуля или укрупнялись — часто вокруг одного предприятия — для решения задач в масштабах страны, что не всегда совпадало с логикой экономической целесообразности. В постсоветское время градообразующие предприятия, оставленные без государственного обеспечения, быстро обанкротились и перестали существовать, сняв с себя обязательство по поддержке собственной и поселковой инфраструктуры. Местные жители, которые не смогли уехать, остались вдали от городов в условиях плохой транспортной

Татьяна Николаевна Журавская | <https://orcid.org/0000-0003-1147-1169> | wellschy@mail.ru | к. соц. н., научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (ул. Тихоокеанская 153, Хабаровск, 680042, Россия) | доцент Школы экономики и менеджмента Дальневосточного федерального университета (кампус ДВФУ, п. Аякс 10, о. Русский, Владивосток, 690922, Россия)

Наталья Петровна Рыжова | <https://orcid.org/0000-0001-7911-7364> | n.p.ryzhova@gmail.com | д.э.н., старший научный сотрудник Института менеджмента и экономики | Югорский государственный университет (ул. Чехова 16, Ханты-Мансийск, 628012, Россия) | научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН (ул. Тихоокеанская 153, Хабаровск, 680042, Россия)

Исследование проведено при финансовой поддержке следующих организаций и грантов: Фонд поддержки социальных исследований “Хамовники” [№ 2016-009, 2017–2018] Российский фонд фундаментальных исследований, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [17-33-01057]

доступности, дефицита рабочих мест и изобилия природных ресурсов, постепенно они вынуждены были включаться в частное неформальное природопользование.

В фокусе настоящего исследования находятся практики неформальной золотодобычи на российском Дальнем Востоке, которые привлекли наше внимание еще в 2010 г. Если разговоры о неформальных практиках лесопользования или ловли рыбы не вызывали недоумения у наших информантов, хотя степень их открытости варьировалась, то разговоры о золоте в этом русле не складывались. Несмотря на публичную информацию контролирующих органов о периодическом задержании так наз. черных копателей или хищников¹, моющих золото без наличия формального права на такую деятельность, и/или о попытках сбыта на черном рынке либо нелегального экспорта слитков или золотого песка, наши информанты продолжали повторять: в России нет *незаконной* добычи или оборота золота, это нам не свойственно, этим занимаются лишь *криминальные* группировки.

Позже, общаясь с людьми, проживающими в удаленных дальневосточных поселках либо имеющими там родственников, мы все больше уверялись в том, что неформальная добыча золота все же ведется. Более того, получаемые сведения указывали на то, что в некоторых таких поселках в практиках принимает участие значительная, если не бóльшая часть проживающего населения. Поступающая информация в совокупности с тем, что мы слышали ранее, позволяла даже предполагать (едва ли обоснованно, как показало полевое исследование): в некоторых населенных пунктах местное население настолько “криминализировано”, что проживает по своим “законам”, отличающимся от применяемых в других российских локальностях.

Наши предположения частично определялись прочитанными текстами о Желтугинской республике — территории особых норм и практик не только добычи золота, но и повседневной жизни. Республика была создана в конце XIX в. старателями — гражданами разных стран, в т.ч. Российской империи. Объединенные вначале лишь “золотой лихорадкой”, они впоследствии выработали свои кодексы поведения, сформировали собственные силовые структуры и, по сути, создали “государство вне признанных государственных структур”. По мнению историков (*Kurto* 2011; *Скрипко и др.* 2009), причины, по которым Желтугинская республика стала возможна, определялись региональной слабостью Российской империи и Китая, своего рода “выпадением” из-под их тотального контроля конкретных, богатых природными ресурсами территорий. Наша гипотеза (сформированная вопреки канонам антропологического исследования), предполагающая, что неформальная добыча золота на современном Дальнем Востоке существует и существует она из-за слабости постсоветского государства, появилась до того, как полевая работа была проведена.

Не стоит и говорить, что гипотеза была отвергнута или, по крайней мере, претерпела принципиальную трансформацию в процессе исследования. Как ни парадоксально, при этом полевые данные подтвердили и то, что государство в исследуемых локальностях сильно ослабило свой контроль по сравнению с советским периодом, и то, что неформальная добыча золота здесь существует. Однако полученные сведения полностью перевернули наше романтизированное представление о том, что доступность золота могла привести к “выпадению” конкретной локальности из-под контроля государства. Никакой “Зомии” Дж. Скотта (*Scott* 2009) мы здесь не обнаружили, наоборот, нашли людей, которые привычно обсуждают беззаконие и распространенность неформальных практик именно потому, что таким образом призывают *вернуть* привычный, правильный, нормальный контроль за способами добычи и оборота ресурса, не мыслимых ими вне государственного регулирования. Статья организована не столько вокруг доказательства данного тезиса, сколько описывает наш длинный исследовательский путь к нему.

Методологически и теоретически работа выстроена в духе антропологической критики исследований государства как самодостаточного института или автономного актора, имеющего высочайшее право регулировать, управлять, применять насилие в отношении проживающего на определенной территории населения. Эта критика началась с работ (*Mitchell 1991; Rose 1996; Abrams 1988*), которые призвали отказаться от дисциплинарных практик социальных наук, не просто поддерживающих единый и неделимый конструкт, но через его дискурсивное воспроизводство вносящих вклад в привычное насилие государства над своими гражданами. Особый интерес антропологов к деконструкции государства начался с работ А. Гупты, который утверждает, что изучение повседневных практик взаимодействия людей и мелких чиновников и, в еще большей степени, представлений людей о государстве позволяет ученым внести значительный вклад в объяснение природы государственной власти (*Gupta 1995*). В отличие от случая, описанного А. Гуптой, мы рассматриваем ситуацию отсутствия государства в повседневной жизни отдаленного дальневосточного села.

Статья основана на полевых исследованиях, проведенных авторами в период с 2012 по 2017 г., включающих серии интервью, участие в выездных проверках пользователей, этнографическое наблюдение в одном из поселений (2014 и 2017 гг.), а также материалы из личных архивов информантов и СМИ.

Государство и “золотая лихорадка”

Как указано выше, с самого начала знакомства с темой нас удивило то, как упорно информанты отказывались признать факт существования любых неформальных практик² в золотодобыче. Достаточно быстро стало понятно, что причины стоит искать в недавней истории формирования регулирующих отрасль правил. На протяжении длительного времени принимаемые законы и практика их применения не просто создавались государством, но и напрямую зависели от потребностей в пополнении золотовалютного запаса (*Ryzhova, Lee 2013*).

В дореволюционный период кустарный (“золотничий”) способ добычи приносил значимую долю совокупного объема производства золота, особенно это касалось осваиваемых территорий, например Дальнего Востока, что было связано и с необходимостью привлечения населения, и со сложностями создания крупных предприятий на плохо разведанных месторождениях. Одновременно с разрешенной (легальной) добычей и оборотом золота (в связи с наличием значительного количества мелких месторождений в труднодоступных и, соответственно, слабо контролируемых местах) существовали нелегальные взаимодействия (*Аленко 2003*). Революция не могла быстро изменить сложившиеся модели поведения, но через действовавшие механизмы принуждения должна была привести к сворачиванию кустарных практик к 1930-м годам. Однако промысел не был свернут, чему способствовало введение ряда прорыночных мер. В частности, в населенных пунктах, приближенных к местам добычи, были “открыты золотоприемные кассы”; разрешения на старательство выдавались любому человеку, “не имеющему уголовного прошлого”, непосредственно местными органами власти (*Кавчик Б.К., Кавчик Р.Б. 2011*); население стимулировали к поиску и добыче золота различными льготами (*Кавчик 2009*). Помимо золотоприемных касс в большинстве крупных городов в 1931 г. были открыты “Торгсины” — предприятия торгового синдиката (Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами, просуществовавшего с 1931 по 1936 г.), обслуживающие и советских граждан, имевших валютные ценности, в т.ч. золото, которое принималось в виде изделий, лома, монет, слитков или песка. Выручка, полученная синдикатом за шесть лет, составила 287,3 млн золотых рублей, что эквивалентно 222 т чистого золота. Все деньги пошли на обеспечение индустриализации (*Осокина*

2007). Эти “чужеродные” для советской идеологии правила соседствовали с практиками изъятия золота у населения сотрудниками силовых структур (Осокина 2004). Еще одним источником пополнения золотого запаса стало увеличение добычи крупными трестами, в т.ч. создание в 1932 г. “Дальстроя” — Государственного треста по промышленному и дорожному строительству в районах Верхней Колымы, в ведении которого находилась золотодобыча с использованием принудительного и практически бесплатного труда тысяч заключенных (Зеляк 2004; Земсков 1990).

Основной объем добычи золота после “удачных” лагерных экспериментов 1930-х годов, военного и послевоенного периодов (вплоть до 1953 г.) приходился на ГУЛАГ, заключенные которого работали в невыносимых условиях, а руководство производственно-репрессивных предприятий, находясь под страхом тех же санкций, требовало от своих “сотрудников” постоянного выполнения и перевыполнения плана. После Второй мировой войны требовались значительные ресурсы на восстановление экономики, и вновь золотоприемные кассы стали принимать украденное, добытое или найденное золото, а “вольноприносители” продолжили свою работу в свободном режиме (Афанасьев, Трубников 2008). Таким образом, относительно высокий уровень экономической свободы “вольноприносителей” в добыче и формальная законность оборота промышленного золота соседствовали до середины 1950-х годов с чрезвычайно жесткой эксплуатацией заключенных и легализованными способами насильственного отъема золота у населения.

В 1950-х годах началось ограничение институциональных свобод “вольноприносителей”. Одновременно с этим произошла смена контингента заключенных в лагерях: вместо осужденных по политическим мотивам появились те, кто отбывал срок за криминальные действия (Зеляк 2004). Изменилась и сама система, определяющая, что легально и что нет в сфере добычи золота; были введены жесткие меры контроля над оборотом валютных ценностей. Под “нелегальный оборот” попали *любые операции* с промышленным золотом, помимо сдачи его на аффинаж, в т.ч. кустарная добыча. Наказания стали более строгими: за несоблюдение правил оборота валютных ценностей лишали свободы на срок от трех до восьми лет (с конфискацией имущества), а при повторном нарушении — до 15 лет (УК 1960). Все это, а также жесткие способы поддержки новых формальных норм привело к исключению золота из свободного оборота и свело к минимуму нелегальные практики.

Таким образом, к моменту рыночных преобразований, когда началась постепенная либерализация рынка золота, в России сформировалась социальная неприемлемость нарушения или даже обхода законодательства. В частности, рынок золота — исключая ювелирные украшения — не являлся потребительским, и существовало табу на операции на нем. «Со времен Сталина все хорошо *усвоили*, что золото можно добывать *только* легально, по лицензии. И любое хранение золота незаконно, и даже за один грамм можно сесть и надолго. Поэтому *желающих* “нелегально” добывать золото нет, ну или совсем мало» (ПМА 2010, посредник в оформлении документов для недропользователей).

С другой стороны, и в поздний советский период сохранялась добыча золота заключенными. Репрессированных сменили уголовники-рецидивисты, и “Колыма” стала жить по жестким воровским законам, став синонимом слов “зона”, “лагерь” (Зеляк 2004). В результате ослабление контроля в этой сфере воспринимается как угроза порядку, как возможная причина возникновения и распространения “золотой лихорадки”. Так, в декабре 2011 г. были внесены поправки в ст. 191 и 192 Уголовного кодекса РФ (УК 1996), которые установили уголовную ответственность за сделки с драгметаллами в крупном размере (более 250 тыс. руб.; в 2018 г. — порог более 2 млн руб.), а ответственность за операции на более мелкие суммы стала регулироваться Административным кодексом РФ. Однако это не означало реальных послаблений, а лишь вносило разнообразие в виды наказаний: “черных копателей”

привлекают и по другим статьям УК РФ, связанным с незаконным предпринимательством и нормами сдачи драгметаллов государству. Законопроект о легализации “вольного приноса” золота обсуждается уже достаточно долго (см., напр.: Золотодобыча 2009). Ожидаемые преимущества от его принятия связывают с сокращением незаконного оборота и ростом легального, увеличением возможностей для развития мелкого и среднего бизнеса, повышением благосостояния населения (“это, прежде всего, забота о людях простых” [ПМА 2013]). Основным вербализуемым аргументом остается угроза “золотой лихорадки”, что проговаривается не только чиновниками, но и вовлеченными в практики участниками (см., напр.: “Россия 24” 2012).

Таким образом, исторический контекст формирования правил, с одной стороны, позволил понять причины умолчания, но с другой — уверил нас в том, что социальная неприемлемость нарушений могла оказать влияние на то, кто и как становится “черным копателем”, какие нормы регулируют “нелегальные” добычу и оборот. Иными словами, исторический анализ подтвердил нашу веру в возможность существования Желтугинской республики.

Государство и контроль

Поскольку гипотеза, с которой мы начинали исследование, связывала возможность формирования особых норм и практик добычи и оборота золота с ослаблением государства, то нам казалось логичным изучить практики государственного контроля отрасли (Ryzhova, Lee 2013; Журавская 2016). То, как ведут себя представители власти, осуществляющие контроль за соблюдением лицензий, за выполнением природоохранных мероприятий, как они интерпретируют свою деятельность, особенно интересно в контексте данной статьи. Большое количество правил и территориальная удаленность подконтрольных объектов (участки добычи могут располагаться в 300 км и более от места работы чиновника) обеспечивают “свободу маневра”, создают возможность “действовать по обстоятельствам” (Барсуков 2008). Сами проверяющие из Роспотребнадзора, Ростехнадзора, Росприроднадзора и других структур вправе решать, как проводить инспекцию: ехать или нет на участок добычи; где и как брать пробы воздуха, почвы и воды и брать ли их вообще; когда подписывать распоряжения и акты о проверках. Не раз обсуждалось, что структурные и инфраструктурные особенности могут стать стимулом к извлечению административной ренты (Krueger 1974). Мы предполагали, что сможем если не пронаблюдать напрямую, то хотя бы понять, как ослабление централизованного государства провоцирует чиновников пользоваться созданными условиями.

Однако наблюдение за практиками в ходе выездной проверки недропользователей в 2012 и 2014 гг. показало иное. Комплексные мероприятия планируются заранее, и несколько инспекторов выезжают в подконтрольный район на транспорте одной из служб, чтобы проверить сразу ряд предприятий. Число инспекторов соответствует числу проверяющих подразделений, форма одежды не отличается от той, что принято называть “по-походному”. По приезде в пункт назначения их встречают, помогают с размещением в гостинице, кормят ужином. Если время не позднее, тогда сразу идут в кабинет на 15–30 минут, чтобы договориться о начале мероприятий, подписывают акт об уведомлении. Потом следует обильный ужин и совместное распитие спиртных напитков. На следующий день начинается проверка на предприятиях и участках добычи, куда инспекторов везут на транспорте подконтрольных организаций (соответственно, проверяют там, куда отвезут). Сбор документов, чтобы позднее в региональном центре проверить их на соответствие нормам, занимает один-два часа. С обеденного времени снова начинается “пир горой”, который длится до позднего вечера; во время таких застолий рассказывают старательские байки, показывают фото с охоты или рыбалки, отвзят посмотреть на природные объекты, искупаться,

пособирать грибы (ПМА 2012, 2014). Главный геолог одного из предприятий так говорит об этом: “Инспектора наши гости. Так *сложилось уже*, что нужно их поселить в гостиницу хорошую, подвезти на машине, накормить, свозить в баню. *Нет, это не задабривание, это дружеские отношения*. Он мне предписание выпишет, а потом мы все это с ним разберем по полочкам, *как лучше нам сделать*” (ПМА 2013).

В свою очередь, проверяющие не фиксируют все нарушения, которые часто понятны и видны даже не посвященному во все тонкости наблюдателю. Однако “слепота” требует легитимации (нефиксация нарушения сопровождается прямым проговариванием), что характеризует двойственность позиции инспекторов как агентов государства и одновременно части сообщества:

Закон всех равняет, да. У нас федеральные законы для всех и на всей территории. И тоже как бы, где-то там в промышленно развитых — это одно, одна история, там у них и денег больше. Где-то взять какую-нибудь там Чукотку, там другая ситуация. А подход один <...> Ну, и смотрим, если предприятие такое, как ЖКХ, что с них там, они сами: у них дебиторская от населения. Тоже стараемся как-то перевести. Но это чисто... уже... По обстоятельствам. Уже чтобы не допустить того, что, да, мы можем там понаписать всем, но... (ПМА 2013, инспектор ФС).

Если это и можно назвать коррупцией, то тогда это коррупция в очень специфической форме.

Наблюдаемые практики и то, как об этом говорят участники, риторика дружбы и помощи во время совместных застолий, дискурсивное оформление выбора типа нарушения для фиксации или типа нарушения для “пропуска” (от “друзей не наказывают” до “этих сказали не трогать”) — все это демонстрирует не только чрезмерность контроля в золотодобыче и одновременно его необязательность. Несмотря на эту необязательность, на понимание, что, скорее всего, никто другой не проверит артель, ведущую добычу в 350 км от областного центра, и проверяющие, и проверяемые вместе стремятся выглядеть правильно и стараются найти формы для наилучшей презентации этой правильности. Это в первую очередь демонтирует единый конструкт государства как централизованного, согласованного актора, который “бдит” и требованиям которого нужно стремиться соответствовать. Невозможность соблюдения норм, как и невозможность контроля, обуславливают сложившуюся культуру правоприменения (Mezey 2001) в этой сфере, когда объекты и правила контроля и правонарушения конструируются совместно чиновниками и проверяемыми, а формальные нормы не могут быть интерпретированы без разного рода оговорок и погружения в контекст.

Ситуация инспектирования также позволяет высветить акторов, попадающих в фокус исследования. Очевидно, что эта ситуация хоть и типична, все же не универсальна. В золотодобыче представлены компании, которые если и не могут соблюдать абсолютно все нормы, то могут приблизиться к видимости этого. Как правило, это крупные золотодобывающие предприятия, имеющие лучшую технику и использующие относительно лучшие технологии, способные содержать штат юристов, клерков и собственные лаборатории. Проверка таких недропользователей идет по другому сценарию, хотя и для них она не будет “абсолютной”, соответствующей всем нормам: “...если нарушений нет, это значит, что либо проверки не было, либо мы им *что-то должны*” (ПМА 2013, инспектор ФС). На другом конце спектра находятся те, кто добывает золото в частном порядке, самостоятельно или в составе небольшой бригады. Эти акторы фактически не только не могут соблюдать все нюансы формального регулирования, но часто не могут до конца разобраться с тем, как оно действует. Так, единственная предусмотренная законодательством (исключая “эксперимент” в Магаданской обл.) возможность осуществлять “вольный принос” — заключение договора с предприятием, имеющим лицензию. Следовательно, это предполагает

добычу золота такими бригадами исключительно в географических границах лицензии предприятия. Однако установить, откуда золото, почти невозможно (сложно зафиксировать значимые различия в химическом составе, поскольку границы лицензионного участка необязательно совпадают с разведанными границами россыпи), соответственно, заключение договора трактуется “вольноприносителями” как разрешение вести добычу в более широких границах (ПМА 2012, 2017; подробнее об этом и других практиках см. ниже).

Несмотря на наш вывод о связи размера предприятия и неформальности, было бы ошибкой заявить, что все крупные акторы более соответствуют формальным нормам, чем все мелкие. Скорее, речь идет о некотором континууме, где акторы располагаются от наиболее сильных и крупных до мелких и почти незаметных. Стоит отметить, что, по мнению самих проверяющих, к первой категории относится лишь 1–2% всех официально существующих золотодобытчиков в регионе. Такой высокий процент не соблюдающих все существующие нормы подчеркивает принципиально изменившийся, резко ослабившийся государственный контроль, а поведение проверяющих и проверяемых показывает важность для них государства как особого конструктора.

Результаты полевого исследования заставили навсегда забыть о Желтугинской республике, поскольку золотодобытчики, даже самые “черные”, пусть и через серию посредников (чаще — небольших артелей) также вписаны во взаимодействие с проверяющим, а уже через него — в отношения с воображаемым государством, правилам которого нужно формально соответствовать.

Поселок “черных копателей”

Полевая работа в поселке, безусловно, оказалась не менее удивительной, а разочарование от обманутых ожиданий быстро сменилось исследовательским азартом. Желтулак³ (Амурская обл.), основанный в конце 1930-х годов и уже спустя два года получивший статус поселка городского типа, — обычный таежный поселок, доживающий свой век на месте крупного прииска. Обнаруженные золотопромышленной компанией запасы оказались столь значительны, что промышленная добыча была начата уже через год. Желтулак стал центром приискового управления, население быстро увеличивалось, главным образом за счет спецпоселенцев, трудопоселенцев и заключенных, а также тех, кто “бежал от пристального внимания советского государства” (ПМА 2014, биографическая повесть местного жителя).

Ударная работа прииска в военные годы — предмет гордости и одна из главных частей официального нарратива. В 1950-е годы подвиги “в тылу” сменяются быстрыми темпами электрификации, механизации и внедрения изобретений. На 1970-е годы, когда многие приехали работать “по распределению”, пришелся второй расцвет прииска. А в 1990-е годы он обанкротился, в связи с чем в это время местные власти вновь пытались открыть золотоприемные кассы, что было признано незаконным. В период банкротства предприятия дорога, соединявшая поселения с областным центром, была разбита тяжелой техникой, вызвавшей распыленные драги и гидравлики. Единственной транспортной артерией тогда стала построенная между поселками дорога из дражных отвалов, при этом путь более чем в два раза удлинился. Сейчас действует только грунтовка, по ней до районного центра более 230 км, она пересекается горной речкой, и во время разливов проехать по ней невозможно. Переправы через реку нет, автомобили перевозит “Урал”. В другие населенные пункты люди могут добраться на лодке или на летающем раз в неделю АН-2 (на 12–15 мест) (ПМА 2014, 2017). На начало 2017 г. население Желтулака составляло чуть более 1100 человек, зафиксированная статистикой численность работающих — около 60 (все заняты в муниципальных организациях).

В целом история поселка и биографии людей тесно связаны, структурированы и детерминированы историей освоения ресурса государством. Ничего другого, способного хоть как-то существовать вне прииска, а значит, вне жесткого контроля, почти никогда не было. Соответственно, банкротство предприятия ощущалось и сейчас рефлексировалось именно как уход *государства* из повседневной жизни. Показательно, например, то, как рассказывают о банкротстве: версия развития событий, которые привели к разрушению, всего одна — она неоднократно повторялась информантами. Предприятие было приватизировано, все стали акционерами, и вначале все было неплохо, только вот директор не был “своим” (был “хохлою”). Избрание директора “из местных” все изменило, именно он, “надев черные очки, чтобы в глаза не было стыдно смотреть”, привел прииск к банкротству и допустил дальнейшее “растаскивание” его имущества (ПМА 2014, 2017). И хотя в истории также фигурируют московские и австрийские инвесторы, всегда присутствует собирательный образ мошенника как причины коллапса. Этот образ противопоставляется коллективному “мы” и соотносится с ослаблением контроля со стороны государства: “Люди возмущались и так далее, но возмущались они в подворотнях, на перекрестках. *Они ничего не сделали, чтобы сохранить поселок*, в том числе и я так же поступил” (ПМА 2017, бывший работник прииска). Современная ситуация чаще всего ассоциируется также с ослаблением контроля, что вписывается в канву общей ностальгии по сильному государству:

Инф.: <...> России всегда нужен был кнут, народ должен все-таки чувствовать власть. А народ власти не чувствует!

Инт.: Я вот чувствую, что гайки закручивают сильнее...

Инф.: А я нет, не чувствую этого! *Бардак я чувствую* (ПМА 2017, бывший работник прииска).

Одновременно с констатацией ощущения неприсутствия государства можно говорить о том, что экономика поселка по-прежнему тесно переплетена с практиками золотодобычи; большая часть населения при этом так или иначе вовлечена в “незаконный оборот”. Так, практически все магазины (в 2017 г. было зафиксировано 19 официальных и два неофициальных) открыты женами золотоискателей, а добытое золото продолжает и сейчас поддерживать торговлю в случае пожара, получения крупного штрафа или воровства. Кроме того, в каждом магазине есть “долговые тетради”, где фиксируются суммы за взятое в долг “до пенсии” и “до конца сезона” (ПМА 2017).

Официальную добычу золота в поселке ведут три артели, на одной из них работают граждане Китая. Одна из стратегий “черных копателей” предполагает оформление договора с такой артелью или с другим официальным золотодобытчиком, однако они почти никогда не ведут добычу в контурах лицензии, а большую часть золота “сдают на сторону” по более выгодной цене (“квазизаконная” стратегия). Гораздо больше тех, кто работает вообще без документов (“нелегальная” стратегия), иногда в пределах видимости жителей поселка возле дороги, у ближайшего ручья и т.п. Добытого золота хватает, чтобы периодически оплачивать штрафы, когда (всего несколько раз за последние три года) случаются проверки контролирующих оборот драгметаллов служб. При этом местный участковый говорит, что знает всех “черных копателей”, но ничего не делает, потому что это не его “компетенция” (“когда приезжают, я показываю где, но завтра они опять там” [ПМА 2017]).

“Нелегально” добытое золото сдают в артели, которые работают как золотоприемные кассы, нарушая нормы оборота драгметаллов, или обналичивают у приезжающих периодически “барыг”, местных скупщиков, даже у представителей контролирующих служб по цене в два-три раза ниже рыночной. Почти все “черное”

и “серое” золото потом проходит через районный центр, где уже частично становится “белым” благодаря ювелирам и формальным организациям (ПМА 2014, 2017). Скупщики золота, таким образом, представляются переходными узлами социальной сети черного рынка; если в поселке нет зарегистрированной артели (с момента банкротства прииска они периодически появляются и исчезают в Джелтулаке), то все золото попадает в их руки. Крайне важным для скупщиков, поскольку хранение драгметаллов уголовно наказуемо, становится властный ресурс. Его недостаток компенсируется мобильностью (приезжие “барыги”) и молчанием, а также *подменой в категоризации* практики: не “незаконное хранение”, а “счастливая случайность” найти кем-то спрятанные золотые самородки или даже слитки (ПМА 2017; см. также ниже).

В целом неформальная добыча золота рефлексирована как вынужденная необходимость; основная объясняющая модель — “государство нас бросило”, “никому до нас нет дела”, “*выживать-то как-то надо*” — отсылает к идеям о нарушении норм реципрокности, справедливого распределения в концепциях моральной экономики и этики выживания (Booth 1994). Нарушая право на выживание, государство, как и землевладелец у Дж. Скотта, утрачивает дальнейшее “почтительное отношение к себе” (Scott 1976). Соблюдение норм в прошлом — справедливо, поскольку взамен работники прииска и их семьи находились не только под контролем государства, но и ощущали его ежедневную заботу. Теперь же легитимность доступа к ресурсу обосновывается через невозможность преодолеть барьер легального входа для обычных людей, ответственность за что напрямую отсылает к государству. То же касается, например, рассуждений о том, кому стоит давать квартиры по программе переселения с северных территорий: “Людей надо переселять, но не всех, а только тех, кто *честно отработал* до пенсии. А вот тем, кто пьет, ничего давать не надо, бичи не могут даже огорода *себе* посадить” (ПМА 2017, бывший работник прииска).

В легитимности через оставленность со стороны государства скрыта готовность к соблюдению норм, что проявляется в выборе терминологии для определения “нелегальной” золотодобычи — “старательство”. Это та категория, через которую обозначается, по сути, нарушение законодательной, хорошо усвоенной нормы, при этом не делается различий в стратегиях и практиках. Эти люди не “черные копатели” и не “хищники”, они *старатели*, выполняющие тяжелую работу, обеспечивая себя и членов семьи.

“Дикий, дикий Север”: “золотая лихорадка” и “желтая угроза”

Однако, как выяснилось, золото в районе поселка добывают не только местные жители, и 2017 г. характеризовался увеличением “неместных”. Ситуацию опять же связывают с декриминализацией нормы и образом “золотой лихорадки”: “Штрафы теперь *никого не пугают*. <...> после декриминализации стали приезжать неместные <...> с других населенных пунктов, потому что все думают, что здесь *какое-то эльдорадо*, что здесь *залежи* бросили, что здесь *много золота*” (ПМА 2017, участковый).

Появление золотоискателей из других населенных пунктов и даже регионов тем не менее не является центром открытого обсуждения. Главной темой летом 2017 г. стала ситуация с добычей золота иностранцами — китайцами. При этом китайская артель (вернее, совместное предприятие) обосновалась здесь несколькими годами ранее. Началось все с появления двух-трех рабочих, обслуживающих малолитражную драгу, и уже тогда в обсуждениях стали проскальзывать категории *незаконной* и *нелегальной* добычи. Но можно ли представить себе незаметную добычу при

помощи драги, пусть и небольшой? Такой объект нельзя быстро переместить, а потому работу без разрешительных документов можно исключить.

Главная наша проблема сейчас — китайцы. Они скупили все земли вокруг, вода грязная. Они уверены, что это их земля, и никого не пускают на рыбалку <...>. Дочь моя написала в МВД, после чего ее затаскали, *потому что все связаны*. Все водоемы гибнут, рыба умирает, они перекрывают движение воды, рыба не получает питания. <...> *Все возмущаются, но ничего не могут сделать*. Я звонила президенту в прямой эфир, но попала на оператора (ПМА 2017, работник аэропорта).

Во время полевой работы мы также были свидетелями приезда миграционной службы по заявлению местных активистов. По словам информантов, это уже не первый рейд, однако всех *нелегалов* поймать и вывезти не удастся — они прячутся в тайге и возвращаются на место золотодобычи, как только проверка заканчивается. Никто не знает, чье это предприятие, кто владеет лицензией, и, конечно, никто не знает о контурах лицензий. В целом в разговорах и официальных жалобах ситуация обсуждается именно как неприемлемость практик природопользования — как нарушение ландшафта и экологического баланса, а добыча золота остается за рамками проговаривания.

Уже в 2018 г. после основной полевой работы мы обнаружили сообщение в СМИ с кричащим заголовком “Амурские золотопромышленники объединились для борьбы с нелегальными старателями” (Амур.инфо 2018). Речь в заметке идет о создании ассоциации пятью золотодобывающими компаниями, цель которой — “борьба с незаконными искателями драгоценного металла”. Однако глава этой организации говорит несколько о другом: “Наша задача — объединить все золотодобывающие предприятия Амурской области, так как цель ассоциации — защита их интересов. Сейчас творится бардак, *граждане КНР бесконтрольно моют золото*, участвуют в аукционах через подставных лиц”.

“Нелегалы” в этой интерпретации — не просто частные неформальные золотодобытчики, это китайские *компании*, покупающие лицензии на аукционах, блокируя тем самым их приобретение местными артелями. Ассоциация в этом смысле — это объединение более мелких капиталов для противодействия более крупным (“они платят огромные деньги при *государственной* поддержке”). Дальнейшая декларируемая цель — это борьба с “самозахватами золотоносных участков и с безлицензионной разработкой месторождений”, т.е. борьба с китайцами. Есть в заметке и обоснование — социальная ответственность местных компаний, которые не просто добывают золото, но “содержат поселки”, в отличие от китайских инвесторов, ориентированных только на производство. Легко проследить моральную составляющую и оправдательные коннотации в создании альянса: для придания политического веса в конкурентной борьбе через призыв к *государству* обратить внимание на неравные условия (не просто инвестиции, а инвестиции другого государства) и вспомнить о взаимных обязательствах.

Любопытно, что используемые категории в обсуждении “нелегальных китайцев” созвучны с тем, что употребляли в интервью о “черных копателях” представители средних по размерам предприятий отрасли, когда тема все же получала развитие (чего не случилось в интервью с крупными и мелкими компаниями). “Самовольный захват”, “самовольный захват” — так называют существующие практики кустарной разработки, описывая *борьбу* с ними, что перекликается с сообщением о создании ассоциации золотодобытчиков. Примечательно еще одно выражение — “россыпь *поражена хищнической* отработкой”, — одновременно отсылающее к дискурсу о “незаконной добыче” и открывающее характер складывающихся взаимоотношений (россыпь “поражена” врагом или болезнью?; в любом случае — испорчена). “Черные копатели” действительно представляют проблему для таких акторов, поскольку их участки редко

богаты золотом, а потому золотоносные земли приходится охранять от “самозахватов” так же, как от медведей, на что не всегда есть свободные ресурсы (ПМА 2013, 2014).

Таким образом, как “нелегальные” маркируются разные акторы и, что не менее важно, разные практики: через эту категорию высвечиваются не столько существующие нарушения, сколько конфликтные взаимоотношения между участниками (прямыми и косвенными) золотодобычи, делаая обоснованным апеллирование к третьей стороне — закону и, шире, государству. Дискурс о “нелегальности” тесно связан с позицией актора, а также с представлением о государстве, обеспечивающем не столько соблюдение нормы, сколько нормальный порядок. Для золотодобычи “нормальный порядок” — это в противовес “золотой лихорадке” жесткий контроль, легитимирующий централизованное насилие.

* * *

В работе предпринята попытка деконструкции государства через изучение специфического поля — практик и дискурсов, связанных с неформальной добычей золота в удаленном поселке. Наиболее интересным, даже поразительным, в рассмотренной ситуации является ожидание, желание возвращения сильного государства, которое вернет “правильную систему” тотального контроля. Именно через это государство оказывается вписанным в текстуру повседневной жизни людей. В отличие от условий, описанных А. Гуптой (*Gupta* 1995), когда государства “слишком много” и когда оно воображается через дискурсы о чрезмерном присутствии и связанной с этим коррупцией, в дальневосточном поселке государства практически нет. И вместе с тем оно есть — повсеместное и повседневное, проникающее всюду и присутствующее везде, а дискурсивное конструирование этого происходит в рамках обсуждения “нелегальных” китайцев, незаконного оборота, т.е. в признании необходимости едва ли не высшего закона при невозможности его соблюдения.

Кажется важным, что, в отличие от чрезмерно присутствующего и потому часто коррумпированного государства, ситуация его неприсутствия реже затрагивается в антропологических текстах. В связи с этим может создаться неверное представление о том, что государство легче проявляется и изучается в рамках богатого этнографического описания повседневных взаимодействий мелких чиновников и бюрократов всех мастей. Однако призыв А. Гупта и его последователей обратиться к исследованию этого дискурса имеет не меньшее, а в некоторых случаях даже большее значение для понимания ускользающей сути государства. Фокус этой статьи направлен именно на дискурсивное конструирование, что позволяет предположить — у конструкта государства есть существенная культурная специфика: испытывают ли тоску по сильному государству граждане тех стран, где такого тотального контроля никогда не было? Этот вопрос, кстати, подразумевает, что предположение об одинаковой символической репрезентации государства в рамках национальных границ может быть опровергнуто (см. подробнее: *Gupta, Ferguson* 1992). Такие локальности, как Джелтулак, отличаются от крупных городов или приграничных поселков, что обосновывает методологическую важность учета исторического контекста и культурной специфики для понимания природы государства. Дискурс о нем существует “поверх” границ локального места (детерриторизация), одновременно разрушая представление о том, что и культура едина в рамках национальных границ.

Благодарности

Авторы выражают благодарность за ценные комментарии к тексту участникам данной подборки, а также Н.В. Ссорину-Чайкову.

Примечания

¹ “Черное копательство” и “хищничество” — законодательно запрещенные способы добычи золота физическими лицами. “Вольноприносительство” — законодательно разрешенная добыча золота физическими лицами. “Черные копатели” — локальное обозначение золотодобытчиков, нарушающих законодательство в этой сфере, авторы приняли решение его сохранить, руководствуясь принципами этнографической достоверности. В других контекстах и географических локализациях чаще всего “черными копателями” называют расхитителей захоронений.

² Важно обозначить, как в тексте используются категории “неформальный” и “нелегальный”. Теоретические концепции неформальной экономики строятся вокруг особых отношений с государством — это то, что скрыто от его контроля, не учитывается статистикой, регулируется отличными от официальных правилами (см., напр.: *Портес* 2003). По большому счету, все другие определения только добавляют оттенки. Сам термин “неформальный” чрезвычайно нагружен смыслами и плохо работает в попытках описать наблюдаемую реальность. Другие используемые термины также работают в зависимости от контекста и исследовательской парадигмы: “нерегистрируемый”, “криминальный”, “теневой”, “скрытый”, “нелегальный” и др. Попытки же, однако, использовать для обозначения практик термин “нелегальная экономика” натываются на непреодолимую преграду невозможности провести границу между тем, что строго соответствует закону, и тем, что ему не соответствует. Поэтому дихотомия “легальный vs нелегальный” также требует расширения спектра значений (см., напр.: *Радаев* 2003; *Feige* 2003; *Эверс* 2001). Термин “внезаконный” дает важное смысловое дополнение: некоторые практики существуют помимо действующих легальных норм, но не обязательно вопреки им (*de Soto* 2000). Мы используем обозначение “нелегальный” лишь для того, чтобы показать особые отношения описываемых практик с государством, не предполагая обязательного прямого нарушения законодательных норм (в описаниях используются категории из вербальных практик информантов и анализируемых текстов). При этом для нас при интерпретации предпочтительна более широкая концепция “неформальных практик”, несмотря на неявные смысловые коннотации.

³ Название поселка изменено из этических соображений. “Джелтулак” — частый топоним в Амурской обл.; в 1914 г. такое название носил один из населенных пунктов, расположенный в долине одноименной реки, его судьба в настоящее время авторам неизвестна (в статистической отчетности по области не обнаружен). В настоящее время “Джелтулак” частое название лицензируемых участков золотодобычи (“Джелтулак-1”, “Джелтулак-2” и пр.). Согласно словарю топонимов, “*джелта* — порог, каменистое дно реки с выходящими на поверхность воды камнями” (*Мельников* 2009).

Источники и материалы

- Амур.инфо 2018 — Амурские золотопромышленники объединились для борьбы с нелегальными старателями // Амур.инфо. 04.05.2018. <http://www.amur.info/news/2018/05/04/138006>
- Золотодобыча 2009 — Прошло 9 лет с тех пор, как бывший Президент России Дмитрий Медведев поручил правительству РФ проанализировать возможность разрешить золотодобычу физическим лицам с учетом борьбы с безработицей в стране // Золотодобыча. 2009. № 124. <https://zolotodb.ru/article/10062>
- Мельников 2009 — Мельников А.В. Топонимический словарь Амурской области. Благовещенск, 2009.
- ПМА 2010 — Полевые материалы экспедиции авторов в Амурскую обл. и Хабаровский край в 2010 г. Транскрипты экспертных интервью.
- ПМА 2012 — Полевые материалы экспедиции авторов в Амурскую обл. в августе 2012 г. Полевой дневник и транскрипты интервью; материалы, связанные с участием в выездной проверке недропользователей.
- ПМА 2013 — Полевые материалы экспедиции авторов в Хабаровский край, Приморский край, Магаданскую обл., Амурскую обл., Республику Якутия в феврале–сентябре 2013 г. Транскрипты экспертных и глубинных интервью.
- ПМА 2014 — Полевые материалы экспедиции авторов в Амурскую обл. в августе 2014 г. Полевой дневник и транскрипты интервью; материалы, связанные с участием в выездной проверке недропользователей.

- ПМА 2017 — Полевые материалы экспедиции авторов в Амурскую обл. в июле 2017 г. Полевой дневник и транскрипты интервью, личные архивы информантов.
- “Россия 24” 2012 — Вольный прииск. Россия 24. 18.12.2012 // YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=Og8bRGED-E>
- УК 1960 — Уголовный кодекс РСФСР. Утв. ВС РСФСР 27.10.1960.
- УК 1996 — Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996. № 63-ФЗ.

Научная литература

- Аленко А.В.* Государственная экономическая политика и иностранный капитал на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.). Дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2003.
- Афанасьев П.Ю., Трубников Н.Б.* Виток золотой спирали. Благовещенск: Зея, 2008.
- Барсуков С.Ю.* Коррупция: научные дебаты и российская реальность // *Общественные науки и современность*. 2008. № 5. С. 36–47.
- Журавская Т.Н.* Помочь, наказать или не заметить? Инспектор федеральной службы на выездной проверке // *Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. И.Г. Кузина. Владивосток: ДВФУ, 2016. С. 131–133.*
- Зеляк В.Г.* Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока в 30-х — 50-х гг. XX в. Магадан: Магаданский филиал Института управления и экономики, 2004.
- Земсков В.Н.* Спецпоселенцы: по документации НКВД — МВД СССР // *Социологические исследования*. 1990. № 11. С. 3–17.
- Кавчик Б.К.* Как увеличивали золотодобычу при Сталине // *Золотодобыча*. 2009. № 126. <http://zolotodb.ru/articles/history/10077>
- Кавчик Б.К., Кавчик Р.Б.* Проблемы существования незаконной добычи и оборота золота в России и пути их решения. Доклад на конференции “Проблемы незаконного оборота драгоценных металлов и драгоценных камней, а также контрабандны ювелирной продукции”, 11.05.2011, г. Москва // *Золотодобыча*. 2011. № 217. <https://zolotodb.ru/article/10224>
- Осокина Е.А.* Доллары для индустриализации: валютные операции в 1930-е годы // *Родина*. 2004. № 3. С. 76–81.
- Осокина Е.А.* Золотая лихорадка по-советски // *Родина*. 2007. № 9. С. 111–117.
- Портес А.* Неформальная экономика и ее парадоксы (пер. М.С. Добряковой) // *Экономическая социология*. 2003. Т. 4. № 5. С. 34–53.
- Радаев В.* Таможня дает добро? Российский бизнес на пути к легализации // *Неформальная экономика в постсоветском пространстве: проблемы исследования и регулирования / Ред. И. Олимпиава, О. Панченков. СПб.: ЦНСИ, 2003. С. 52–68.*
- Скрипок К.А., Семенова Л.Д., Снакин В.В., Березнер О.С.* “Амурская Калифорния” — малоизвестная страница истории золотодобычи в Приамурье в фотографиях из архива Музея земледения МГУ // *История наук о Земле*. 2009. Т. 2. № 2. С. 53–77.
- Чернолуцкая Е.Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011.
- Эверс Х.-Д.* Теневая экономика, неформальное производство и неформальный сектор: экономическое действие по ту сторону рынка и государства // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2001. Т. IV. № 4. С. 135–149.
- Abrams P.* Notes on the Difficulty of Studying the State // *Journal of Historical Sociology*. 1988. Vol. 1. No. 1. P. 58–89.
- Booth W.J.* On the Idea of the Moral Economy // *American Political Science Review*. 1994. Vol. 88. P. 653–667.
- de Soto H.* The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else. N.Y.: Basic Books, 2000.
- Feige E.* Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach // *World Development*. 1990. Vol. 18 (7). P. 989–1002. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(90\)90081-8](https://doi.org/10.1016/0305-750X(90)90081-8)
- Gupta A.* Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State // *American Ethnologist*. 1995. Vol. 22. No. 2. P. 375–402. <https://doi.org/10.1525/ae.1995.22.2.02a00090>

- Gupta A., Ferguson J. Beyond “Culture”: Space, Identity, and the Politics of Difference // *Cultural Anthropology*. 1992. Vol. 7. No. 1. P. 6–23. <https://doi.org/10.1525/can.1992.7.1.02a00020>
- Krueger A. The Political Economy of Rent-Seeking Society // *American Economic Review*. 1974. Vol. 64. P. 291–303.
- Kurto O.I. Zhelyuga Republic: The Case of Social Development at the Chinese-Russian Border // *Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2011. Vol. 39. No. 3. P. 135–142.
- Mezey N. Law as Culture // *The Yale Journal of Law & The Humanities*. 2001. Vol. 13. P. 35–67. <https://doi.org/10.1215/9780822384755-002>
- Mitchell T. The Limits of the State: Beyond Statist Approaches and Their Critics // *American Political Science Review*. 1991. Vol. 85 (1). P. 77–96. <https://doi.org/10.1017/S0003055400271451>
- Rose J. *States of Fantasy*. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Ryzhova N., Lee E. Gold, the State and Market Actors: Legal vs. Illegal Practices of Interaction // *Inner Asia*. 2013. Vol. 15. No. 1. P. 5–32.
- Scott J.C. *The Art of not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press, 2009.
- Scott J.C. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Heaven: Yale University Press, 1976.

Research Article

Zhuravskaia, T.N., and N.P. Ryzhova. Calling upon the State: “Illegal” Gold-Mining in the Russian Far East [Prizyvaia gosudarstvo: *nelegal'naiia zolotodobycha na Dal'nem Vostoke*]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2019, no. 4, pp. 29–44. <https://doi.org/10.31857/S086954150006190-9> ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Tatiana N. Zhuravskaia | <https://orcid.org/0000-0003-1147-1169> | wellshy@mail.ru | Economic Research Institute of Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153 Tikhoookanskaya Street, Khabarovsk, 680042, Russia)

Natalia P. Ryzhova | <https://orcid.org/0000-0001-7911-7364> | n.p.ryzhova@gmail.com | Yugra State University (16 Chekhova Str., Khanty-Mansiysk, Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, 628012, Russia)

Keywords

state discourse, informal practices, *illegal* gold mining, *black diggers*, *gold fever*, Russian Far East

Abstract

Authors review the discourse of modern practices of “illegal” gold mining in one of the remote settlements in the Russian Far East. The paper attempts to deconstruct the state as a self-sufficient institution or an autonomous actor with the right to regulate, govern, and use violence against the people living in a certain area. It is shown that the bankruptcy of the local economic mainstay and the feeling of “non-presence” of the state in the everyday life of the locals, with natural resources being available, however, did not result in the loss of the state control over the locality under study. This is manifested through the choice of categories employed to designate informal practices with the implicit reference to the state and the “normal” order — gold mining must be carried out under a strict state control as opposed to the “gold fever”. Authors consider the way an imaginary state acts through the discourse of practices “above” the boundaries of a local place. It is a cultural specificity of the construct of “state”. The article presents the results of a series of field studies conducted between 2012 and 2017 in regions of the Russian Far East.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Khamovniki Foundation for the Support of Social Research [project no. 2016/009; 2017–2018]
Russian Foundation for Basic Research, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [17-33-01057]

References

- Abrams, P. 1988. Notes on the Difficulty of Studying the State. *Journal of Historical Sociology* 1 (1): 58–89.
- Afanasiev, P.Y., and N.B. Trubnikov. 2008. *Vitok zolotoi spirali* [A Coil of Golden Spiral]. Blagoveshchensk: Zeia.
- Alepko, A.V. 2003. *Gosudarstvennaia ekonomicheskaia politika i inostrannyi kapital na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XVIII v. — 1917 g.)* [State Economic Policy and Foreign Capital in the Far East of Russia (end of the 18th Century — 1917)]. PhD diss., Irkutsk State University.
- Barsukov, S.Yu. 2008. Korruptsiia: nauchnye debaty i rossiiskaia real'nost' [Corruption: Scientific Debates and Russian Reality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* 5: 36–47.
- Booth, W.J. 1994. On the Idea of the Moral Economy. *American Political Science Review* 88: 653–667.
- Chernolutskaia, E.N. 2011. *Prinuditel'nye migratsii na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1920–1950-e gg.* [Forced Migrations in the Soviet Far East in the 1920–1950s]. Vladivostok: Dal'nauka.
- de Soto, H. 2000. *The Mystery of Capital: Why Capitalism Triumphs in the West and Fails Everywhere Else*. New York: Basic Books.
- Ehvers, H.-D. 2001. Tenevaia ekonomika, netovarnoe proizvodstvo i neformal'nyi sektor: ekonomicheskoe deistvie po tu storonu rynka i gosudarstva [The Shadow Economy, Non-Commodity Production and the Informal Sector: Economic Action on the Other Side of the Market and the State]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* IV (4): 35–149.
- Feige, E. 1990. Defining and Estimating Underground and Informal Economies: The New Institutional Economics Approach. *World Development* 18 (7): 989–1002. [https://doi.org/10.1016/0305-750X\(90\)90081-8](https://doi.org/10.1016/0305-750X(90)90081-8)
- Gupta, A. 1995. Blurred Boundaries: The Discourse of Corruption, the Culture of Politics, and the Imagined State. *American Ethnologist* 22 (2): 375–402. <https://doi.org/10.1525/ae.1995.22.2.02a00090>
- Gupta, A., and J. Ferguson. 1992. Beyond “Culture”: Space, Identity, and the Politics of Difference. *Cultural Anthropology* 7 (1): 6–23. <https://doi.org/10.1525/can.1992.7.1.02a00020>
- Kavchik, B.K. 2009. Kak uvelichivali zolotodobychu pri Staline [How People Increased Production of Gold Mining under Stalin]. *Zolotodobycha* 126. <http://zolotodb.ru/articles/history/10077>
- Kavchik, B.K., and R.B. Kavchik. 2011. Problemy sushchestvovaniia nezakonnoi dobychi i oborota zolota v Rossii i puti ih resheniia. Doklad na konferentsii “Problemy nezakonnogo oborota dragotsennykh metallov i dragotsennykh kamney, a takzhe kontrabandny yuvelirnoi produktsii”, 11.05.2011, Moscow [The Problems of the Essence of Non-Bonbon Revenue and Gold Turnover in Russia and the Ways and Solutions: The Paper Presented at the Conference “Problems of Illicit Trafficking in Dragons and Dragon Stones: The So-Called Competitive Products”, 11.05.2011, Moscow]. *Zolotodobycha* 217. <https://zolotodb.ru/article/10224>
- Krueger, A. 1974. The Political Economy of Rent-Seeking Society. *American Economic Review* 64: 291–303.
- Kurto, O.I. 2011. Zhelyuga Repulic: The Case of Social Development at the Chinese-Russian Border. *Archaeology Ethnology & Anthropology of Eurasia* 39 (3): 35–142.
- Mezey, N. 2001. Law as Culture. *The Yale Journal of Law & The Humanities* 13: 35–67. <https://doi.org/10.1215/9780822384755-002>
- Mitchell, T. 1991. The Limits of the State: Beyond Statist Approaches and Their Critics. *American Political Science Review* 85 (1): 77–96. <https://doi.org/10.1017/S0003055400271451>
- Osokina, E.A. 2004. Dollary dlia industrializatsii: valyutnye operatsii v 1930-e gody [Dollars for Industrialization: Currency Operations in the 1930s]. *Rodina* 3: 76–81.
- Osokina, E.A. 2007. Zolotaia lihoradka po-sovetski [Soviet Gold Rush]. *Rodina* 9: 111–117.
- Portes, A. 2003. Neformal'naia ehkonomika i ee paradoksy [The Informal Economy and Its Paradoxes]. *Ekonomicheskaia sotsiologiya* 4 (5): 34–53.
- Radaev, V. 2003. Tamozhnia daet dobro? Rossiiskii biznes na puti k legalizatsii [Customs Gives Good? Russian Business on the Way to Legalization]. In *Neformal'naia ehkonomika v postsovetskom prostranstve: problemy issledovaniia i regulirovaniia* [The Informal Economy in the Post-Soviet Space: Problems of Research and Regulation], edited by I. Olimpieva and O. Panchenkov, 52–68. St. Petersburg: TSNSI.
- Rose, J. 1996. *States of Fantasy*. Oxford: Clarendon Press.
- Ryzhova, N., and E. Lee. 2013. Gold, the State and Market Actors: Legal vs. Illegal Practices of Interaction. *Inner Asia* 15 (1): 5–32.

- Scott, J.C. 1976. *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia*. New Heaven: Yale University Press.
- Scott, J.C. 2009. *The Art of not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia*. New Haven: Yale University Press.
- Skripko, K.A., L.D. Semenova, V.V. Snakin, and O.S. Berezner. 2009. “Amurskaia Kaliforniia” — maloizvestnaia stranitsa istorii zolotodobychi v Priamur’e v fotografiakh iz arkhiva Muzeia zemlevedeniia MGU [“Amur California” is a Little-Known Fact of the History of Gold Mining in the Amur Region in the Photographs From the Archive of the Museum of Geography of Moscow State University]. *Istoriia nauk o Zemle* 2 (2): 53–77.
- Zelyak, V.G. 2004. *Piat’ metallov Dal’stroia: istoriia gornodobyvayushchei promyshlennosti Severo-Vostoka v 30-h — 50-h gg. XX v.* [Five Metals of Dal’stroi: The History of the Mining Industry of the Northeast in the 30^s — 50^s 20th Century]. Magadan: Magadanskii filial Instituta upravleniia i ekonomiki.
- Zemskov, V.N. 1990. Spetsposelentsy: po dokumentatsii NKVD — MVD SSSR [Special Settlers: The Documentation of the NKVD-Ministry of Internal Affairs of the USSR]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 11: 3–17.
- Zhuravskaia, T.N. 2016. Pomoch’, nakazat’ ili ne zametit’? Inspektor federal’noi sluzhby na vyiezdnoi proverke [To Help, Punish or not Notice? Inspector of the Federal Service on the Field Inspection]. In *Problemy modelirovaniia sotsial’nykh protsessov: Rossiia i strany ATR. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [The Problem of Modeling of Social Processes: Russia and the APR Countries: Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation], edited by I.G. Kuzina, 131–133. Vladivostok: DVFU.